

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

2025-2030

85 лет Победы

Владимир Сапожников

proza.ru/avtor/vladimirsapozh

код для жюри: 425-765

Родился на Смоленщине в семье фронтовиков. Окончил Смоленский государственный медицинский университет, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор. Работает заведующим кафедрой педиатрии Тульского государственного университета.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Александръ», «Роман-журнал XXI век» и других изданиях. Автор более тридцати книг прозы и поэзии. Финалист национальной литературной премии «Поэт года». Член Союза писателей России.

ДЯДЯ ЮРА, ИЛИ ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Как ни странно, я очень хорошо помню тот далекий солнечный весенний день в конце апреля 1962 года. Кажется порой, что даже помню, как свежо и бодряще пахло сыроватым апрельским воздухом, который я, шестилетний сельский мальчишка, жадно вдыхал, спеша поскорее добежать до школьного стадиона. Именно над ним, над сбежавшейся толпой местных жителей кружили, готовясь к посадке, две ранее не виданные здесь большие, разрубающие воздух работающими лопастями винтокрылые машины — настоящие военные вертолеты, окрашенные в защитный зеленый цвет. Помню, я здорово запыхался, с трудом пролез между телами

и ногами толпящихся полукругом на поле стадиона людей — возбужденных, радостных, ликующих, что-то кричащих, с портретами улыбчивого земляка, первого космонавта, в руках, сдерживаемых кольцом выстроившихся милиционеров, — туда, в передние ряды, прямо к оцеплению. Успел вовремя — вертолеты только приземлились. Из их открытых люков на землю повыскакивали улыбающиеся, веселые, похожие друг на друга, в одинаковых серых военных шинелях с погонами на плечах, одинаковых фуражках со звездами, молодые офицеры. Толпа ликующе гудела: «Гагарин!.. Юра!.. Вот тот — красивый!.. Да нет, вон же он, машет рукой!..»

Солнце в тот день было ослепительно ярким, теплым, отчего на поле стадиона дотаивали на глазах последние остатки почерневших, будто изъеденных по краям молью, сугробов. Честно, помню, меня интересовал больше не первый космонавт Земли, прилетевший, как я узнал позже, в более зрелом возрасте, на встречу с избирателями в наше село Боголюбово, что на Смоленщине, в связи с выборами его депутатом в Верховный Совет СССР сразу после своего дерзкого полета в космос, а сами вертолеты, которые до этого приходилось видеть только на фотографиях.

Поэтому, усыпив бдительность милиционеров из оцепления, я каким-то образом сумел выскочить прямо к ближайшей стальной винтокрылой машине. Да и милиционеры, видимо, всерьез не восприняли мой порыв — чего возьмешь с любопытного мальчишки!

Приблизившись к вертолету метров на пять, я захотел заглянуть внутрь, в приоткрытый люк, туда, где, по моим предположениям, должно было находиться самое интересное — пулеметы.

И в этот момент ко мне наклонился один из бывших военных. «Что, мальчик, хочешь посмотреть, что там внутри?» — спросил он и улыбнулся. Мне иногда

снится эта улыбка — широкая, открытая, очень добрая, какая бывает только у русских людей. Он взял меня на руки и приподнял вверх, прямо туда, внутрь стального чудища, в этот момент я близко увидел его глаза — тоже добрые, смешливые, озорные, отчаянно смелые. Как я понял потом, повзрослев, такие глаза бывают только у очень азартных, рискованных людей, готовых ради достижения своей цели совершать даже безрассудные поступки, которых на пути к намеченному уже ничто не может остановить, для которых главным в жизни является ни деньги, ни награды, ни почести, а только одно — достижение поставленной цели.

Он о чем-то болтал со мной, спросил, как зовут, назвал себя дядей Юрой, а я изо всех глаз рассматривал внутренность вертолета, полукупол из синего стекла где-то под потолком, в который и был вмонтирован самый настоящий боевой пулемет или скорострельная пушка, точно не знаю.

Как потом мне рассказала мама, встречающие местные руководители где-то там замешкались и почетная колонна «Волг» застряла на несколько минут в грязи подъездной дороги к стадиону. Этих минут оказалось достаточно, чтобы мы с дядей Юрой познакомились, осмотрели вертолет, его вооружение и устройство. Разговорились. Помнится, он спросил, а есть ли у нас детский сад. Я подробно ему рассказал, что да, есть садик от совхоза, что тоже его посещаю, и даже предложил показать, где он находится. Дядя Юра сразу согласился, и мы с ним вдвоем по хорошо мне известной тропинке, дворами деревенских улиц, туда и направились. Наш детский сад представлял собой одноэтажный деревянный дом из почерневших от времени бревен, стоявший на другом краю села, на берегу реки, окруженный вековыми липами бывшей помещичьей усадьбы. Дверь нам открыла баба Оля, которая в садике стряпала на кухне

и работала сторожихой. Смутившись перед свалившимся неизвестно откуда военным, а люди в нашей военной форме в то время были в почете у жителей смоленских сел, неоднократно сжигаемых немцами во время войны, она послушно впустила нас внутрь здания, ну а дальше я сам все показал гостю: и игровые комнаты, и столовую, и кухню, и спальню — в общем, все, что можно было и нельзя показать. Попутно сообщил, что продырявилась крыша, поэтому иногда подтекает с потолка, но у совхоза нет денег на строительство нового здания садика. Осмотр занял немного времени. Дядя Юра еще спросил, хочу ли я стать космонавтом, я ответил, что очень хочу, как Гагарин. На это он заливисто и звонко рассмеялся, сказал: «Раз хочешь — значит, своего добьешься! Слетаешь. А не струсил?» В то время намек на трусость мне казался самым большим оскорблением, поэтому я обиженно протянул в ответ: «Не-е, ни за что!» Гость опять улыбнулся так, что разбежались тонкие паутинки складочек кожи в уголках глаз, как это бывает только у очень добрых и веселых людей, и спросил, как пройти к Дому культуры, клубу.

Я его охотно провел и затем потерял в толпе народа, запрудившей парк вокруг клуба. Из больших алюминиевых (тоже летных, наверное) радиорупоров, прикрепленных повсюду в парке, разносились веселые марши. Все прикинули к входным дверям, у которых была жуткая давка среди желавших проникнуть внутрь. С большим трудом, между ног жаждущих, мне удалось втиснуться в дверной проем. При этом кто-то рассерженно залепил мне оплеуху, кто-то выругался. В фойе клуба была не меньшая давка, теперь уже за право попасть в зрительный зал. Я сгорал от любопытства, поэтому ползком пролез в одну из дверей в зал, пробрался под рядами стульев, на которых плотно сидели взрослые, и вынырнул прямо из-под первого ряда к сцене. На ней

стоял длинный стол, покрытый красным сукном, за которым сидели в основном приехавшие из Смоленска незнакомые дяди и тети, что-то озабоченно обсуждавшие.

Сквозь гвалт и толчею зала я услышал знакомый, рассерженный мамин голос где-то рядом с собой: «Володя, ты где болтался?! Куда пропал?» Она посадила меня к себе на колени в первом ряду, сбивчиво я рассказал, что показывал дяде Юре — военному — наш садик. Она насторожилась: «Какому еще дяде Юре?» В это время зал взорвался от ликующих аплодисментов, все повскакали с мест, на сцене приоткрылась дверь, ведущая из биллиардной, и появился уже без шинели и фуражки, улыбающийся своей неповторимой улыбкой... дядя Юра.

— Да вот какому! — указал я матери рукой.

— Так это же сам Гагарин, — охнула она. — Ты ему показывал наш садик? Почему ж меня не предупредил?

Тут я догадался о причине ее беспокойства — все-таки она работала заведующей этого сада.

Гагарин вышел на трибуну, поднял руку, улыбка так и не сходила с его открытого лица, люди в зале мгновенно затихли. Первый космонавт мира, немного волнуясь, заговорил. Он именно разговаривал с людьми, негромко, голос немного срывался. Точно не помню его слов, помню мягкую интонацию голоса, немного склоненную, но гордую голову, смысл начала его выступления был о том, что он один из нас, родился и вырос недалеко от наших мест, в общем, такой же, как все, только в космос почему-то сумел слетать первым...

Часа через два, когда встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета закончилась, вертолеты улетели, люди разошлись, дома мать, уже прослышавшая обо всех моих похождениях, хоть не очень строго, но отругала меня. Я подслушал, как они с отцом обсуждали на кухне происшедшую накладку во время встречи Гагарина. Опоздавшие на стадион представители властей

потеряли космонавта из виду, пока мы с ним осматривали детсад. Со слов отца, от этого началась легкая паника. А как же, с полчаса никто не знал, где находится первый космонавт Земли!

После встречи с избирателями Юрий Алексеевич почему-то отказался участвовать в пышном обеде, планировавшемся в его честь, для чего длинный стол в совхозной столовой был заставлен, по рассказам очевидцев, фаршированными гусями, которых собирали по хатам со всей округи (прошел слух, что первый космонавт любит именно это блюдо). Гагарин посоветовал директору совхоза побыстрее строить новый детский сад и улетел. Раздосадованные местные хозяева, холм-жировские и смоленские начальники, без первого космонавта, по рассказам, очень бурно отметили мероприятие в столовой — не пропадать же отборной гусятине!

Моя мать вскоре получила выговор по партийной линии, но новый детский сад совхоз через год все-таки построил. Правда, я не попал в него — пошел в первый класс. Космонавтом тоже не довелось стать. Но когда приходит апрель, я всегда вспоминаю встречу в далеком 1962-м, на школьном стадионе, у вертолетов, с дядей Юрой, взгляд его веселых, отчаянных глаз, улыбку... Я уже прожил добрую половину своей жизни. И никогда не встречал такой улыбки, такого обворожительно доброго и одновременно отчаянно смелого, храброго человека. Наверное, поэтому именно он сумел первым решиться преодолеть земное притяжение, побывать в космосе, облететь Землю и вернуться, несмотря на все случившиеся в полете «внештатные» ситуации.

ЖИЗНЬ ПОБЕДИЛА

Они сошли с автобуса на одной из остановок. Вблизи начинался перелесок, переходящий потом в лес. У всех троих за спиной аккуратно сложенные рюкзаки, зачехленные ружья. Самый старший, высокий, крепко сложенный мужчина лет сорока, осмотрелся, не спеша закурил сигарету, подмигнул напарнику: «Оно, то самое место. Здесь его и видели». Покулив на остановке, двинулись по узенькой, еле различимой тропке по направлению к лесу.

Спустившись к ручью, внимательно оглядываясь, пошли вдоль него, пока не наткнулись на небольшую лунку со следами возле нее, оставленными на первом снежке. Старший из путников расчехлил двустволку, привычным движением зарядил ее, похлопал ладонью по ложу, как бы взвешивая смертоносный заряд, заложенный теперь в стволы: «Пришли. У этой лунки и будем ждать его. Пить захочет — придет, никуда от нас не денется».

Стройный, с атласным белым животом лось-двугодок, грациозно перебирая тонкими, филигранно отточенными ногами, не спеша бежал между деревьев, чутко подрагивая ушами, которые, как локаторы, привычно реагировали на каждый шорох, каждое движение вокруг. Он родился в этом лесу, совсем маленьким и беззащитным бегал здесь за своей матерью, пугливо прижимаясь к ее теплему боку, который всегда был ему самой надежной защитой. Когда подрос и стал самостоятельно добывать себе пищу, понял, что особенно бояться в лесу ему некого. Если кто-то и посягал на его существование, то быстрые ноги выручали из любой беды. Люди не чинили вреда, даже оставляли в специальных лесных кормушках зимой вкусно пахнущее сено, и поэтому он

привык не бояться их. Вот и сейчас лось спокойно бежал к ручью в лоштинке, к заветной лунке, из которой всегда пил. Застывшие, окаменевшие, как изваяние, деревья отражались в его дымчатых глазах, равномерно поднимались и опускались его ладные, слегка блестящие бока.

Не доходя до водополя метров двести, лось уловил какие-то подозрительные запахи.

Животное замедлило шаг, а потом совсем остановилось, настороженно поворачивая голову в разные стороны. И в это время хлестко стеганули выстрелы из засады, устроенной браконьерами. Что-то горячее и твердое обожгло голову. От боли и неожиданности лось пошатнулся и рухнул на землю, но в следующее мгновение вскочил и в каком-то безотчетном порыве понесся прочь от страшного места. Только это спасло его от следующего залпа выстрелов, что пришлось как раз туда, где он находился мгновением раньше.

Ничего не видя, лось мчался по лесу, быстро, как никогда. Мимо мелькали красные стволы деревьев, красная земля проносилась под ногами, сквозь красную пелену раскаленным алым шаром вертелось у него перед глазами, залитыми кровью, солнце. Может, он мчался так час, может, три, может, пять, и неизвестно, остановился бы вообще когда-нибудь, если бы не иссякли силы, которые покидали тело с каждой каплей крови, вытекающей из раны, с каждым выдохом из бугристой груди, с каждым новым метром пути. Он все более замедлял свой бег и, наконец, остановился, тяжело, с посвистом дыша, перебирая чуть-чуть дрожащими ногами, на опушке леса. Что-то одурманивающее томной волной разбежалось по всему телу, ноги сами собой подогнулись, и, не в силах больше стоять, он прилег в углубление под корнями вывороченного дерева. Веки глаз моментально набрякли тяжестью, и сон захлестнул его.

...Иван Петрович, лесник, по привычке встал рано, когда спала вся деревенька, затерявшаяся среди глухих смоленских лесов. Через некоторое время он, похрустывая снегом, обильно выпавшим за ночь, по знакомой тропинке споро шагал мимо побелевших елей, гладкотелых берез. Ему знакомы были здесь каждый кустик, каждая проталинка, каждый след. В этих краях Иван Петрович родился, здесь перед самой войной работал в лесничестве, здесь полюбил немногословной любовью голубоглазую девушку, которая через год после их свадьбы родила ему крепыша-сына, отсюда в сорок первом ушел на фронт, сюда же вернулся после тяжелого ранения светлым майским днем.

Полуразвалившаяся печка и груды успевших врасти в землю головешек — вот и все, что осталось от их дома, да и вся деревня была сожжена. Ветхий старик выполз из землянки, узнав в солдате односельчанина, рукавом смахнул что-то с глаз: «Они здесь, Ваня, сгорели вместе с избой...»

До рассвета просидел тогда солдат на родном пепелище, ставшем могилой жене и сыну, от которого он так и не успел услышать слово «папа», с которым не довелось ему побродить по весеннему лесу. «Да лучше бы я погиб в рукопашной, чем узнал про это», — думалось ему. После той ночи он стал молчаливым, даже угрюмым, и, видимо, от месяца в ночном небе, как инеем, обметало ему к утру виски. А не успело перегореть за лето солнце, как на месте старого дома вырос новый — высокий, ладный, с резными наличниками, с заостренной, будто у обелиска, крышей. Сам хозяин дома, который не женился вторично, устроился на свою довоенную работу, лесником, и каждый день, все тридцать с лишним лет, вот по этому хорошо знакомому пути ранним утром уходил в лес и возвращался только поздним вечером.

...Мелкая дрожь прошла по телу лося. Он открыл глаза и осмотрелся. Сон был глубоким и поэтому показался ему коротким, а на самом деле уже светало. Поднял голову — серой тенью маячила перед ним фигура человека. Лось дернулся, пытаясь встать, но сил не было — снова ткнулся мордой в холодную землю.

Иван Петрович ушел и вскоре вернулся с лошастью, запряженной в сани. Привез лося в деревню и уложил в сарае на сено. Лесник постоянно находился возле раненого животного, всю душу вкладывая в заботу о нем. И труды его не пропали даром: на третьи сутки лось наконец-то открыл глаза, еще через несколько дней впервые встал на дрожащие, ослабевшие ноги...

С того случая прошло полгода. Вместе с первыми птицами, прилетевшими с юга, тепло нахлынуло на землю, весна зазвенела по полям веселыми ручейками, нежными бледно-зелеными листочками вылупилась из скорлупы березовых почек. Каждое утро Иван Петрович шел в лес. В лощинке возле ручья, повеселевшего и ставшего полноводным, он останавливался, как будто ждал кого-то. И действительно, через несколько минут в проеме лесной просеки показывался лось. Легко и доверчиво, играя могучим телом, он подбегал к человеку. Иван Петрович гладил ладонью мягкую шерсть, которой зарос шрам от раны на голове животного, смотрел, как лось пьет воду из ручья. И потом еще долго провожал взглядом не спеша, будто нехотя, уходящего в лес лося, пока тот совсем не исчезал среди деревьев.

ISBN 978-5-4477-2574-7

9 785447 725747